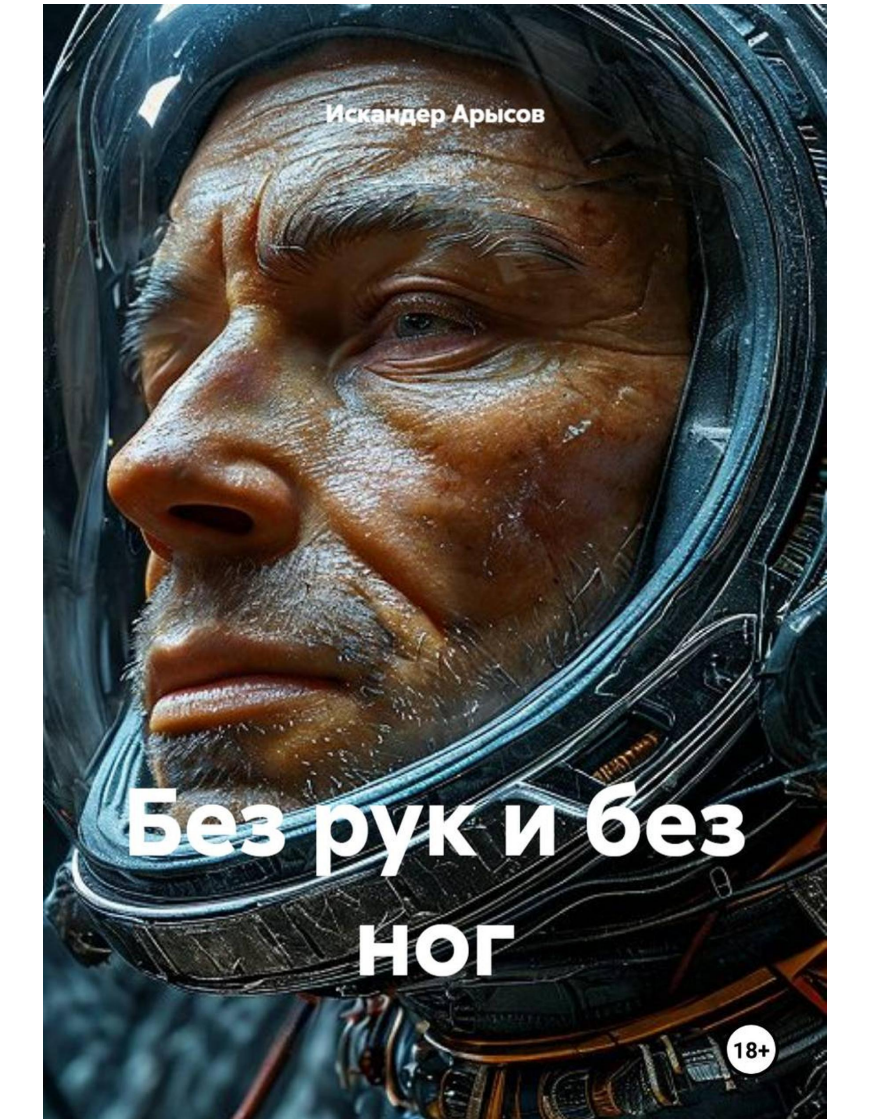

Искандер Арысов

Без рук и без НОГ

18+

Искандер Арысов

Без рук и без ног

<https://litres.ru/74247842>

SelfPub; 2026

Аннотация

Миллиардер, альпинист и самый одинокий человек на земле Арнольд Ребусов получает смертельный приговор: гангрена пожирает его тело, врачи дают шесть месяцев. Но Ребусов не принимает смерти. Он бросает вызов природе, Богу и идее человеческого существования. Цена вопроса — миллиард евро, шесть месяцев и всё его тело.

Ребусов становится первым человеком, который решил жить без тела — одной лишь головой, подключённой к аппаратам искусственного жизнеобеспечения. Научный прорыв оборачивается адом фантомных болей, галлюцинаций и экзистенциальной пустоты. Кто он теперь — человек, эксперимент или вопрос без ответа?

Восемьдесят три дня. Триста страниц протоколов. Семь ночей суда над собственной совестью, где призраки Иисуса, Будды, Мухаммеда, великих учёных и писателей требуют ответа. Но главный судья — сам Ребусов, который не знает, был ли его поступок подвигом или безумием.

Это роман-трагедия о гордыне, цене бессмертия и о том, что остаётся от человека, когда от него остаётся только голова.

Искандер Арысов

Без рук и без ног

Пролог

Снег, который помнит

В 2024 году китайские нейробиологи из Шанхайского института биологии опубликовали статью, которая потрясла научный мир. Они заявили, что впервые в истории им удалось сохранить жизнеспособность изолированного мозга примата в течение 96 часов. Мозг реагировал на свет, на звук, на электрическую стимуляцию. Он узнавал знакомые образы. Он проявлял признаки обучения. Он жил.

В комментариях к статье один из авторов написал фразу, которая облетела все новостные ленты: "Мы находимся на пороге того дня, когда человек сможет существовать без тела. Вопрос не в том, сможем ли мы. Вопрос в том, захотим ли мы".

Тысячи людей прокомментировали эту фразу. Одни писали: "Это конец человечества". Другие: "Это начало новой эры". Третьи: "Это безумие".

Но никто не знал, что сорок лет назад один человек уже ответил на этот вопрос. На свой лад, на свой страх и риск. Потратив миллиард евро, шесть месяцев жизни и своё собственное тело.

Его звали Арнольд Ребусов.

Он был первым. Возможно, он останется и последним. Потому что никто после него не осмелился повторить этот эксперимент. Никто не захотел заплатить такую цену — чтобы стать головой в банке, чтобы жить без тела, чтобы превратиться в фантом.

Но его вопрос остался.

И сегодня, когда мы смотрим на небо, на облака, на горы — мы невольно вспоминаем о нём. О человеке, который поднялся выше всех гор. О человеке, который захотел быть бессмертным. О человеке, который стал головой.

Мы не знаем, был ли он счастлив. Мы не знаем, был ли он человеком. Мы не знаем, стоила ли его жертва того, чтобы её помнили.

Но мы помним.

Потому что его имя — Ребусов — стало символом. Символом вопроса, на который до сих пор нет ответа.

Может ли голова существовать отдельно от тела?

И если да — что останется от человека?

Далеко-далеко, на восьмой день месяца, в году, которого уже нет, в городе, который перестал быть городом, стоял дом. Не особенный — не самый богатый, не самый бедный. Обычный дом с серыми стенами и зелёной крышей. В доме жил мальчик. Его звали Арнольд.

Мальчику было семь лет. Он сидел на подоконнике и смотрел в окно. За окном шёл снег — крупный, пушистый,

похожий на сахарную вату, которую продавали в парке. Снег падал на улицу, на машины, на крыши, на деревья. Он укрывал всё белым одеялом, как будто хотел спрятать мир от глаз.

— Арнольд, иди кушать! — крикнула мать из кухни.

Но мальчик не отвечал. Он смотрел на снег и думал. Он всегда думал. Не как другие дети — о игрушках или сладостях. Он думал о том, что такое мир. Почему он такой огромный, а он — такой маленький. Почему снег идёт только зимой, а летом его нет. Почему люди умирают, а снег — остаётся.

— Арнольд! — мать вошла в комнату и взяла его за руку.
— Ты слышал меня?

— Мама, — сказал мальчик, не поворачивая головы. — А снег умирает?

— Что? — мать удивилась. — Как может умереть снег?

— Ну, он тает. Он исчезает. Его нет. Как мой дедушка. Его тоже нет.

Мать замолчала. Она не знала, что сказать семилетнему мальчику, который уже думал о смерти. Она сжала его руку крепче.

— Снег возвращается, — сказала она. — Каждую зиму он возвращается. Это не смерть. Это просто... отдых.

— А люди возвращаются?

— Нет, — сказала мать. — Люди не возвращаются. Люди умирают навсегда.

Мальчик посмотрел на неё. В его глазах было что-то

странное — не детское, не наивное. Что-то взрослое, тяжёлое, почти больное.

— Я не хочу умирать, — сказал он. — Я хочу быть как снег. Чтобы всегда возвращаться.

Мать не ответила. Она только поцеловала его в лоб и улыбнулась. Как улыбаются взрослые, когда не знают, что сказать.

Но мальчик запомнил.

Он запомнил снег. И вопрос, который задал себе в тот день: "Может ли человек быть как снег — исчезать и возвращаться?".

Он будет искать ответ на этот вопрос всю жизнь.

Он найдёт его.

И заплатит за это самую высокую цену.

Когда Ребусов был подростком, он впервые прочитал о том, что мозг — это не тело. Он прочитал в старой книге, которую нашёл на чердаке, что человек — это его мысли, а не его руки, ноги или кожа. И что если сохранить мысли — можно сохранить человека.

Он не понял тогда, как это сделать. Но он знал, что это возможно.

Он знал, что есть люди, которые уже пробовали. Брюхоненко. Уайт. Десятки других учёных, которые экспериментировали с животными, доказывали, что мозг может жить отдельно, но так и не смогли сохранить сознание.

Он знал, что они не смогли — потому что они не знали главного.

Главного — что человек — это не рефлексy, не сигналы, не электричество. Человек — это память. Память о том, кто ты есть. Память о том, что ты чувствовал. Память о тех, кого любил.

И если сохранить память — можно сохранить человека. Он запомнил это.

И через шестьдесят лет, когда его тело начало гнить, он вспомнил свой детский вопрос. "Может ли человек быть как снег — исчезать и возвращаться?"

Он понял, что нашёл ответ.

Он понял, что снег не возвращается. Но его можно сохранить.

Так же как можно сохранить голову.

Сейчас, за много лет до того, как всё это случилось, мальчик на подоконнике смотрел на снег и думал.

Он думал о том, что мир большой. Что люди маленькие. Что жизнь короткая. Что смерть — это просто исчезновение. — Я не хочу исчезать, — прошептал он.

И снег, казалось, слышал его. Он пошёл сильнее. Он засыпал всё — улицы, дома, машины, деревья. Он сделал мир белым, чистым, новым.

Как будто он говорил мальчику: "Ты не исчезнешь. Ты останешься. В этом снегу. В этом мире. В этой памяти".

Мальчик улыбнулся. Он не знал, что через много лет его голова будет плавать в капсуле, а его тело сгниёт в холодильнике. Он не знал, что он станет легендой — или безумцем. Он не знал, что его вопрос останется без ответа.

Он просто сидел на подоконнике и смотрел на снег.

И думал о вечности.

В 2034 году, когда уже никто не помнил о Ребусове, в одной из лабораторий Цюриха проводили очередной эксперимент. Молодые учёные, которые не знали его имени, пытались повторить его достижение. Они отделили мозг обезьяны и подключили его к аппарату жизнеобеспечения.

Мозг жил. Реагировал. Учился. Запоминал.

Но он не был человеком.

Потому что у него не было памяти о снеге.

Потому что у него не было вопроса.

У него не было мечты.

И когда он умер через 120 часов — дольше, чем Ребусов — никто не спросил: "Был ли он счастлив?"

Потому что это был просто мозг.

А не человек.

А человек — это всегда вопрос.

Вопрос, на который нет ответа.

Вопрос, который мы задаём себе, когда смотрим на снег.

Глава первая

Формула одиночества

В начале было тело. Тело, которое дышало, ходило, поднималось на вершины. Тело, которое принадлежало ему — или которому принадлежал он. Теперь тело умирало. И впервые за шестьдесят три года Арнольд Ребусов задумался: а что, если тело — всего лишь контейнер? Что, если истинное "я" помещается в трёхкилограммовом сгустке нейронов, который можно вынуть, как дискету из компьютера, и вставить в новый носитель?

Он не знал тогда, что этот вопрос старше его, старше науки, старше самой идеи смерти. Что советские физиологи уже пытались ответить на него в 1940-х, когда оживляли собачьи головы и заставляли их реагировать на свет. Что американские крионики замораживают богатых в надежде на воскрешение. Что китайские биологи работают над созданием искусственного тела из полимеров и нервных клеток.

Но Ребусову было плевать на историю. Он смотрел на свои почерневшие пальцы и думал только об одном: как сохранить ту часть себя, которая не гниёт.

В кабинете главного хирурга клиники "Марио Негри" пахло озоном и стерильностью. Ребусов ненавидел этот запах. Он напоминал ему больничные коридоры, в которых умирала его мать — медленно, тихо, с достоинством бедной женщины, которая никогда не жаловалась.

— Гангрена распространяется, — сказал хирург, и в голо-

се его не было сочувствия. Только констатация. Только биология. — Мы ампутировали пальцы на ногах. Теперь пальцы на руках. Если не остановить процесс, через месяц мы будем резать по локоть. Через три — по плечо. Через шесть...

Он замолчал. Ребусов понял.

Через шесть — он умрёт.

— Шесть месяцев, — повторил Ребусов. Голос его был ровным, как пульс здорового человека. — Вы уверены?

— Мы не можем остановить некроз. Ткани отмирают. Иммуитет разрушен. Единственное, что мы можем сделать, — ампутировать конечности по мере того, как процесс идёт вверх. Но он идёт к сердцу, мистер Ребусов. К голове.

— К голове, — эхом отозвался Ребусов.

Хирург ждал. Обычно пациенты в этот момент начинали торговаться — с Богом, с судьбой, с врачами. Просили второе мнение, третье, десятое. Плакали. Звонили адвокатам. Этот молчал. Смотрел в окно на зимний Милан, и на его лице не было ничего — ни страха, ни надежды, ни боли.

— Мистер Ребусов, — осторожно спросил хирург, — вы меня слышите?

— Слышу. Вижу. Понимаю. — Ребусов перевёл взгляд с окна на врача. — Вопрос в другом, доктор. Что будет с головой?

— Что будет с... простите?

— Что будет с головой, когда тело умрёт? Тело — это орган, обеспечивающий жизнедеятельность мозга. Если тело

перестанет работать, мозг умрёт от гипоксии — через четыре-шесть минут. Я правильно понимаю?

Хирург кивнул. Он не понимал, куда клонит пациент, но чувствовал: этот разговор выйдет за пределы медицинской практики.

— Теоретически, — продолжил Ребусов, — если обеспечить мозг кислородом, питательными веществами и удалением продуктов метаболизма, он сможет существовать вне тела. Вопрос в длительности. И в сохранности сознания.

— Это чистая теория, мистер Ребусов. Эксперименты на животных показали, что изолированный мозг сохраняет рефлексy на протяжении нескольких часов, но...

— Но никаких экспериментов на людях не было. Так?

Хирург пожал плечами.

— Были, — сказал он тихо. — В сороковых. Советские физиологи. Брюхоненко. Автожектор. Изолированная голова собаки реагировала на свет и звук. Могла облизываться, когда на язык капали кислотой. Но это рефлексy, мистер Ребусов. Не сознание. Мы не знаем, чувствовала ли та голова себя. Мы не знаем даже, может ли мозг без тела сохранять личность.

Ребусов медленно кивнул. В его глазах зажглось то, что хирург принял за интерес, а на самом деле было другое — расчёт. Тот самый холодный, безжалостный расчёт, который превратил сына прачки из коммунальной квартиры в владельца пятидесяти компаний и трёх частных островов.

— Хорошо, — сказал Ребусов. — Я даю миллиард евро на то, чтобы решить эту проблему. За шесть месяцев.

— Какую проблему?

— Я хочу, чтобы моя голова жила без тела. Не на несколько часов. Навсегда. Или хотя бы дольше, чем это тело, — он указал культиями рук на себя, — сможет меня носить.

Хирург побледнел.

— Это безумие.

— Это вызов. — Ребусов улыбнулся. — Вы знаете, что сказал мой отец, когда я сказал ему, что куплю дом, в котором будет больше трёх комнат? Он сказал: "Ты умрёшь нищим, как я". Я не умер нищим, доктор. Я умер бы в горах, если бы не альпинисты, которые меня спустили. Но я не умер. И теперь я хочу жить. Жить без тела. Жить как мысль.

— Мысль не может существовать без мозга, — возразил хирург.

— Мозг может существовать без тела. Вы сами сказали. Технически — да. Остаётся решить две задачи. Первая: как сохранить мозг живым на неограниченный срок. Вторая: как сделать так, чтобы это существование не стало адом.

Хирург молчал. Он смотрел на человека перед собой — сгнивающего, умирающего, безумного — и вдруг понял, что этот человек не безумен. Он просто мыслит в другой системе координат. В той, где тело — это инструмент, а сознание — единственная ценность.

— Мистер Ребусов, — сказал хирург очень медленно, —

вы понимаете, что после такой операции вас нельзя будет называть человеком? В биологическом смысле.

— А что такое человек, доктор? — перебил Ребусов. — Человек — это тело, которое дышит? Но тогда мёртвый человек — не человек. Человек — это личность? Тогда личность без тела — всё ещё человек. Или, может быть, человек — это способность к самосознанию? Тогда мы рискуем потерять его в момент, когда уберём тело, потому что без сенсорной обратной связи мозг сойдёт с ума. Это и есть ваша настоящая проблема? Без тела мозг окажется в вакууме ощущений. Он начнёт галлюцинировать, разрушаться, искать тело, которого нет. И тогда не будет никакого "человека". Будет овощ. Я правильно понимаю?

Хирург поражённо смотрел на пациента.

— Вы... вы читали работы по нейрофизиологии?

— Я всё читаю, доктор. Когда у тебя есть деньги, время и неизлечимая болезнь, ты читаешь всё. Статьи Брюхоненко. Отчёты Alcor по криоконсервации. Проекты по оцифровке сознания. Генномодифицированные органы. Полимерные протезы. Я знаю больше, чем вы думаете.

Он помолчал. Поднял культю и посмотрел на неё так, будто видел впервые.

— Мой друг, — сказал он вдруг мягко, почти по-человечески, — вы когда-нибудь смотрели на свои руки и думали: "Это не я. Это просто инструмент, который мне дали, чтобы я мог брать, касаться, держать. Но я — не они". Я смотрю

на свои руки уже два месяца. И знаете, что я вижу? Чужое мясо. Мясо, которое предало меня. Мясо, которое решило умереть раньше моего мозга. Я не хочу быть мясом. Я хочу быть тем, что останется, когда мясо сгниёт.

Хирург медленно снял очки и потер переносицу.

— Мы не сможем создать работающий интерфейс "мозг-машина", — сказал он почти умоляюще. — Нейроны спинного мозга не восстанавливаются. Если мы отделим голову, тело перестанет существовать — вы не сможете двигать даже глазами, потому что глазные мышцы иннервируются через черепные нервы, это да, но что будет с дыханием? С сердцебиением?

— Будут аппараты. — Ребусов говорил так, как будто объяснял школьнику таблицу умножения. — Вентиляция лёгких. Искусственное кровообращение. Я читал про экстракорпоральную мембранную оксигенацию. Трубки, фильтры, насосы. Всё это уже существует. Нужно только соединить.

— И создать изолированную среду, — добавил хирург уже механически, как будто сам себя уговаривал, — стерильную, с поддержанием температуры, с системой очистки крови, с доставкой питательных веществ. И с защитой от патогенов. Без иммунитета любая инфекция убьёт мозг за часы.

— Значит, вы согласны, что технически это возможно?

— Технически — да. Но биологически, психологически, этически...

— Этика, — перебил Ребусов, и в его голосе впервые за

весь разговор появилась сталь. — Вы говорите мне об этике, когда я плачу миллиард за право не умереть? Этики не существует, доктор. Есть человеческое право распоряжаться своим телом. И своей головой. Я распоряжаюсь.

Он перевёл дыхание. И добавил уже тише, задумчивее:

— Вы когда-нибудь смотрели на горы снизу? Я смотрел. Все шестьдесят три года. Сначала я смотрел на горы бедности. Потом — на горы власти. Потом — на настоящие горы, на восемь тысяч метров высотой. И знаете, что я понял на вершине? Что там нет никого. Нет людей, нет судей, нет Бога. Есть только снег и ветер. И я. Чистый, без всего — без денег, без имени, без прошлого. Только сознание. Только мысль. И в тот момент я понял: это и есть я. Не тело. Мысль.

Он замолчал. Хирург сидел, сжав руки в замок, и молчал тоже. В кабинете было слышно только тиканье настенных часов — дорогих, швейцарских, с золотым маятником.

— Я созову консилиум, — сказал наконец хирург. — Но, мистер Ребусов, вы должны знать: даже если технически это будет возможно, ни один уважающий себя учёный не согласится на этот эксперимент. Это будет означать конец его карьеры. Его репутации.

— Я найду тех, кто согласится, — спокойно ответил Ребусов. — Миллиард и шесть месяцев. Это большие числа, доктор. Они меняют репутацию быстрее, чем любая этическая комиссия.

Той ночью Ребусов не спал.

Он лежал в палате с высоким потолком и смотрел, как за окном падает снег. Миланский снег — редкий, неуверенный, тающий на асфальте. Не то что снег на Шишабангме. Там снег лежал миллионы лет. Там снег был вечным.

"Тело умирает, — думал Ребусов. — Тело всегда умирает. Это единственный закон, который никто не отменял. Но мозг... мозг может жить дольше. Мозг может существовать без тела. Советские собаки доказывали это в сороковых. Они не чувствовали себя, но они реагировали. А если добавить сенсорную обратную связь? Если дать мозгу искусственные каналы восприятия? Можно ли создать иллюзию тела? Или хотя бы — заменить тело на интерфейс?"

Он закрыл глаза. В темноте перед ним встала картина: капсула, заполненная питательным раствором. Трубки, подсоединённые к сонным артериям. Мониторы, показывающие электрическую активность. И он сам — голова, парящая в жидкости, с открытыми глазами, с работающим мозгом, без рук, без ног, без боли.

"Это будет другая жизнь, — подумал он. — Без запахов, без прикосновений, без вкуса. Без ветра в лицо. Без объятий. Только мысль. Только воспоминания. Только я в диалоге с самим собой. Но разве я не жил так уже? Разве я не был одинок всю свою жизнь? Разница только в том, что теперь одиночество станет абсолютным".

И вдруг — как вспышка на снежной вершине, когда солн-

це выходит из-за облаков — он понял главное.

"Одиночество не убивает. Оно очищает. На вершине Эвереста я был один. В капсуле я буду один. Но на Эвересте я боялся упасть. В капсуле я буду парить. Я стану первым человеком, для которого гравитация перестанет существовать. Первым, кто живёт только сознанием".

Он открыл глаза. Снег за окном кончился. Милан спал.

— Я не боюсь быть головой, — прошептал он в пустоту.
— Я боюсь быть никем. А никем я стану, если умру. Если тело победит.

Утром в его палату вошли четверо.

Нейрохирург из Цюриха — маленький, сухой человек с пальцами пианиста, который прославился операциями на спинном мозге. Физиолог из Москвы — большой, бородастый, с глазами, которые видели работы Брюхоненко не в архивах, а на практике. Биоинженер из Шэньчжэня — женщина с ледяным лицом и горячими глазами, которая строила искусственные органы из стволовых клеток. И анестезиолог из Бостона — ирландец с рыжей бородой и репутацией человека, который может держать пациента на грани жизни неделями.

Они стояли у дверей палаты, глядя на культы рук, на темнеющую кожу у висков, на лицо, на котором уже начали появляться первые пятна некроза, и молчали.

Ребусов посмотрел на них по очереди.

— Миллиард, — сказал он. — Шесть месяцев. Одна голова.

Физиолог из Москвы шагнул вперёд. Его голос был низким, густым, как русский чернозём.

— Я знаю, как выглядит изолированный мозг, — сказал он. — Я видел его у собак. У кошек. У обезьян. Он живёт. Он реагирует. Но он не мыслит. Не думает. Не помнит. Он — рефлекс. Вы хотите, чтобы этот рефлекс говорил "я". Это невозможно.

— Не говорите мне, что невозможно, — спокойно ответил Ребусов. — Скажите, что нужно сделать.

— Нужно создать иллюзию тела. — Биоинженер из Шэньчжэня заговорила впервые, и голос её звучал как лезвие. — Мозг привык получать сигналы от кожи, мышц, суставов, внутренних органов. Если этих сигналов не будет, он начнёт искать их в шуме. Он начнёт галлюцинировать. Мы можем имплантировать электроды в мозг и подавать искусственные сигналы — тепло, давление, движение. Но это грубая имитация. Она не спасёт от психоза.

— Дайте мне психоз, — сказал Ребусов. — Я переживу его. Я пережил отца, который бил меня. Я пережил компании, которые хотели меня разорить. Я пережил горы, которые хотели меня убить. Психоз — это просто химия. Мы скорректируем его лекарствами.

Нейрохирург из Цюриха поправил очки.

— Есть ещё одна проблема, мистер Ребусов. Даже если мы

сохраним мозг, даже если мы дадим ему иллюзию тела, даже если мы остановим разрушение сознания — вопрос идентичности останется. Кто вы будете без тела? Тот, кто был Ребусовым, или новый человек, который проснётся в капсуле и не узнает себя?

Ребусов молчал. Этот вопрос он задавал себе всю ночь.

— Я буду собой, — сказал он наконец. — Потому что я есть память. А память — это не тело. Это связи между нейронами. Я — это конфигурация. И если вы сможете сохранить эту конфигурацию — я сохранюсь. Всё остальное — мясо. Мясо, которое уже гниёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.